История русской литературы

Ольга СЛУЖАЕВА

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ НА ПУТИ К «ВЫСШЕМУ БРАТСТВУ», ИЛИ ЧТО ЗНАЧИТ НЕ БЫТЬ ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

Аннотация. В статье на основе писем, архивных материалов и произведений А. Добролюбова, написанных им в период религиозных поисков, после ухода в странствия по Руси, рассматриваются основы вероучения поэта и особенности восприятия этих идей крестьянской средой и обществом «образованных».

Ключевые слова: А. Добролюбов, Л. Толстой, И. Янков, «Из книги невидимой», символизм, толстовцы.

К моменту окончательного ухода поэта-декадента Александра Добролюбова в религиозные странствия в 1898 году Лев Толстой был непререкаемым авторитетом как среди крестьян, так и среди общества «образованных». Потому неудивительно, что отказ Добролюбова от искусства на-

Ольга Олеговна СЛУЖАЕВА, филолог, соискатель ученой степени ИМЛИ РАН. Сфера научных интересов — русская литература рубежа XIX—XX веков, литература модерна, современная поэзия, литературные и фольклорные формы бытования народных религиозных воззрений начала XX века, теория субъекта художественного высказывания. Email: osluzhaeva@gmail.com.

страивал современников на сравнения с уверовавшим Львом Толстым, а порой Добролюбова и вовсе приписывали к лагерю толстовцев. Община добролюбовцев, людей, разделявших религиозные воззрения Александра Добролюбова, находилась в Самарской губернии, неподалеку от бывшего имения Льва Толстого, в котором писатель неоднократно бывал вместе с семьей. Неожиданно возникшее объединение крестьян вызывало интерес современников, прежде всего в связи с наставником общины, братом Александром, как его стали называть крестьяне. Религиозное учение воспринималось как нечто второстепенное, главный интерес вызывал образ Добролюбова и перемены, произошедшие в нем после ухода. По этой причине неудивительно, что даже близкие друзья поэта не интересовались его учением как таковым, а видели в нем подражание духоборам [Брюсов: 126] или сходство с учением Толстого [Белый: 398] — подражание вере, но не ее источник.

Сам Добролюбов в одном из примечаний к сборнику «Из книги невидимой», сделанном в 1938 году на экземпляре из библиотеки Надежды Брюсовой, написал о своих религиозных идеалах следующее:

В новейшие времена приблизились ко всемирной любви в Англии, называемые квакеры и еще более в России духоборцы. Толстовцы — я разумею, — много далее от истины. Даже много ближе их, конечно частью, я разумею, люди, находящиеся в многих ужасных заблуждениях под многими покрывалами. Я говорю о тех, которые имеют в богослужении телесную пляску, о незабываемых хлыстах¹ [Добролюбов. *Из книги...* ОР РГБ].

¹ Этот отрывок первоначально завершал письмо «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым», однако в черновом варианте финал был зачеркнут и в книгу не вошел. См.: [Добролюбов. «Сестрам...»]. Общину хлыстов Александр Добролюбов называл «пляшущей церковью», поскольку радение сопровождалось кружениями и тряской [Ярков. *Моя жизнь...* 21]. (Как известно, в письмах 1920–1930-х годов Добролюбов произвольно расставляет знаки препинания, часто не использует заглавные буквы и не соблюдает деления на абзацы. Мы цитируем письмо в авторской орфографии и пунктуации. — О. С.)

Александр Михайлович Добролюбов, один из основоположников символизма и декадентства в России, после религиозного перелома несколько раз посещал Л. Толстого в Ясной Поляне (5, 6 сентября 1903 года [Толстой: LIV, 191], 21 июля 1906 года [Маковицкий: II, 181], 8 мая 1907 года [Толстой: LVI, 31]) и состоял в переписке с ним. Неоднократно литературоведы отмечали общность религиозных воззрений писателей². Последователи Добролюбова, называвшие себя «братьями» или «квакарями»³ (производное от англ. Quakers, квакеры — Религиозное общество Друзей), одновременно считали себя толстовцами и с легкостью переходили из одного христианского учения в другое (среди них П. Картушин, Л. Семенов Тянь-Шанский, Н. Сутковой, А. Колесниченко и др.). Это свидетельствует о том, что различия в понимании вопросов веры между Львом Толстым и Александром Добролюбовым были несущественными, то есть не противоречили общим морально-нравственным установкам верующих. О близости учений добролюбовцев и Толстого писал и Л. Семенов⁴, на протяжении некоторого времени разделявший религиозные взгляды Добролюбова [Семенов: 296].

В отличие от своих последователей писатели имели более четкое представление о разнице собственных религиозных воззрений. Добролюбов обвинял Толстого в нежелании изучать тайны невидимого мира [Добролюбов 1905: 180], а Толстой говорил о необходимости осознанной веры в противовес авторитарному учению и давлению, которое предполагал у Добролюбова в отношении его единомышленников [Толстой: LXXVII, 131–133].

² См.: [Дурьлин], [Азадовский], [Иванова 1980], [Тушев].

³ См.: [О появлении...].

⁴ «С августа 1908 г. по январь 1909 года жил в Самарской губернии, особенно сблизился с А. М. Добролюбовым <...> и весь этот год провел у него в колонии его последователей, сектантов-добролюбовцев. Однако <...> из-за возникшего между Добролюбовым и Семеновым соперничества Семенову пришлось уйти» (цит. по: [Семенов: 491–492]).

Илья Петрович Янков⁵, внесший неоценимый вклад в сохранение духовных песен Добролюбова и биографических сведений о нем, видел суть различия двух учений в главных для них словах — «любовь» (для Толстого) и «свобода» (для Добролюбова) [Янков. *Моя жизнь...* 235] — и называл Добролюбова главным конкурентом Толстого в народной среде. В своей автобиографии Янков приводит один из псалмов последователей Добролюбова, воспевающий свободу не только внутреннюю, духовную, но и внешнюю, поскольку песня содержит призыв «бороться с царя-

⁵ *Илья Петрович Янков* (26 июля 1892 — 21 марта 1980) родился в Екатеринбурге, с 1901 года жил в Самаре. В юном возрасте увлекся идеями Льва Толстого, позже сошелся с толстовцами из Самарской губернии. Работал на курсах, организованных его отцом, в качестве преподавателя машинопечатания, журналистом, секретарем. Свободное время посвящал изучению неофициальных религиозных течений. В 1915 году был приговорен судом из-за отказа от воинской службы по религиозным убеждениям к трем годам дисциплинарного батальона, освобожден 7 марта 1917 года. После знакомства с последователями А. Добролюбова Янков начал собирать и записывать духовные песни поэта, чем обеспечил их сохранность. В 1941 году был вновь осужден по ст. 193—13 за отказ от воинского призыва, 18 декабря — приговорен к расстрелу. 29 января приговор был отменен в связи с кассационной жалобой Янкова, 19 февраля он был освобожден. На протяжении многих лет Янков собирал архивные материалы и биографические сведения о Добролюбове, провел масштабную литературоведческую и текстологическую работу. В 1947 году Янков отправил письмо Ирине Михайловне Святловской, сестре Александра Добролюбова, в котором сообщил о смерти ее брата в Азербайджане [Кобринский 2004: 221]. Илья Петрович написал подробную биографию поэта, которая была изъята сотрудниками КГБ вместе с частью архива при обыске в 1951 году. В том же году Янков был осужден по ложному обвинению как руководитель «сектантской группировки» по ст. 58.

В апреле 1951 года Янкова отправили на принудительное психиатрическое лечение. Он находился на лечении в клиниках Горького, Казани, Чистополя. Вышел на свободу в 1954 году. Янкову так и не удалось вернуть изъятые документы, поэтому он предпринял работу по восстановлению книги, посвященной биографии Добролюбова. В настоящее время она находится в фондах ОР РГБ. Автобиографию «Моя жизнь» не приняли в фонды РГБ, рукопись была возвращена автору — Илья Петрович незадолго до смерти передал ее с М. Поповским в США. Машинопись книги находится в архиве Гуверовского института.

ми», что несомненно отражало запросы и настроения крестьянского общества начала XX века:

О свободушке вы спойте
песню новую, друзья,
о той тайной о свободе,
которую видел я.
Мы на этой на свободе,
как на камне постоим,
не поверим мы свободам —
ложным, внешним и иным.
Как она да озарила
вдруг все земли и миры,
даже небо озарила
из той внутренней зари.
Мы на этой...
Я сознал свободу мира,
ей одной теперь молюсь,
к высшей радости единой,
к братству высшему стремлюсь.
Мы на этой...
Буря грозная настала,
то предчувствие зари.

Бесценная рукопись Яркова с 1974 года хранилась в фондах ОР РГБ. Очевидно, именно эта рукопись послужила источником для статьи Е. Ивановой, посвященной Александру Добролюбову [Иванова 1980]. В названной статье место хранения рукописи Яркова не указано. Спустя много лет исследовательница написала о Яркове вновь, подвергнув его работу (вновь без указания источника) критике: «Однако не имея к этой судьбе настоящих ключей, рассматривать судьбу Добролюбова вне особого символистского контекста нельзя, иначе она рискует превратиться в биографию “духовного экспериментатора”, как назвал его журналист-толстовец Илья Ярков, заинтересовавшийся им в 30-е годы» [Иванова 1997: 191]. Следует отметить, что цитаты из рукописи Яркова приводились в статье Ивановой с ошибками и искажениями.

Некоторые фрагменты рукописи «Моя жизнь» были опубликованы в книгах: [Эткинд], [Семенов].

Мне бы хотелось выразить благодарность внучке Ильи Петровича Елене Гасилиной за предоставленную возможность работать с рукописью «Моя жизнь», сохранившейся в семье исследователя. Ныне рукопись находится в составе фондов Самарского литературного музея им. М. Горького.

Брат, вступай в борьбу с царями,
не склоняй ты в ней главы.
Мы на этой...
Меч возьмите обличенья
духоборческий один
и сражайтесь без пощады
со всем ужасом пучин.
Мы на этой...

Известно также, что брошюры с произведениями Толстого читались вслух на собраниях добролюбовцев⁶, а многие братья переписывались или встречались с писателем. Современники Толстого и Добролюбова также сопоставляли пути веры писателей и усматривали мистические сходства даже в мелочах. Так, Осип Дымов делится воспоминанием об отказниках от воинской службы в г. Троицке, принявших такое решение под впечатлением от учения Добролюбова: «Интересно отметить, что имена “бунтовщиков” были Орлов и... Неклюдов — излюбленное имя в произведениях Толстого» [Дымов: 23].

Сборник Добролюбова «Из книги невидимой», состоящий из фрагментарных повествований о духовном пути лирического субъекта, по внутренней сюжетной структуре схож с программными произведениями Толстого («Исповедь», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?»): духовный кризис, осознание собственной греховности, преступности и вины, покаяние, возвышение народа, обращение к образованному обществу с призывом соединиться с народом, описание открывшейся радости на обретенном пути веры. Следует отметить, что подобная сюжетная ли-

⁶ 12 июня 1914 года были произведены обыски в домах последователей Добролюбова в селах Семеновка и Ромашкино Бузулукского уезда Самарской губернии. Среди прочих документов были изъяты брошюры Толстого — «Не убий», «О значении русской революции», «Христианство и патриотизм», «Патриотизм и правительство», «Солдатская памятка», «Офицерская памятка». Тексты Толстого были крайне популярны в описываемой нами крестьянской среде.

Отметим, что сами братья не называли себя добролюбовцами. Такое наименование в статье используется для обозначения группы верующих, разделявших взгляды Александра Добролюбова.

ния житийного или исповедального канона характерна также и для других российских писателей — Ф. Достоевского, Н. Лескова, Л. Семенова.

Принципиальный отказ от воинской службы — важная пацифистская установка, которой безоговорочно следовали ученики Добролюбова и Толстого. Общим местом было и сакральное отношение к крестьянам, «у которых мы только можем учиться» [Толстой: LXXVI, 156], «потому что в истинно великих людях глубочайшее смирение» [Добролюбов 1905: 3]. Сама форма исповеди — популярный дискурс в культуре начала XX века [Миц: 107] — подразумевает искреннее повествование о своей жизни. Добролюбов неоднократно указывает на необходимость воспринимать его слова («Из книги невидимой») именно в таком контексте: «Как исповедь примите, братья, это слово».

Покаяние в своих прошлых грехах нередко становилось темой для бесед. Брюсов записывал в дневнике в августе 1898 года: «Он (Добролюбов. — О. С.) говорил о себе прошлом, рассказывал неинтересные и даже непривлекательные случаи своей жизни, рассказывал как бы с удовольствием. Часто затем возвращался к словам, что он Антихрист, и приводил пророчества в подтверждение» [Брюсов: 46]. О неожиданном саморазоблачении В. Чертова вспоминает Ярков: «И вот, совершенно независимо от моей воли <...> Владимир Григорьевич поделился со мною некоторыми казавшимися ему “темными” или “грешными” сторонами своей жизни. Эта импровизированная исповедь меня поразила» [Ярков. *Моя жизнь...* 159].

Если повествователь в произведениях Толстого подробно останавливается на рассказе о своих грехах в преддверии духовного перелома, то произведения сборника «Из книги невидимой» передают ощущения лирического субъекта от уже состоявшегося единения с Создателем. Таким образом, сборник «Из книги невидимой» завершает цикл духовных странствий лирического субъекта по примеру «Божественной комедии» Данте: ад («*Natura naturans. Natura naturata*») — чистилище («Собрание стихов») и обретенный при жизни рай.

В отношении к религии Толстой и Добролюбов продолжали решать различные задачи, которые вполне мож-

но было бы назвать художественными. Реалист, автор большой романной формы Толстой и поэт-декадент (в недалеком прошлом) не могли одинаково интерпретировать библейский текст и по-разному представляли себе пути к истинному пониманию веры. Добролюбовцы практиковали молчание и внутреннее созерцание⁷, разделение видимого и невидимого миров («Исчезнет видимое и все невидимое, / Благословен Единый Покой!»), наружного и ненаружного («Из мира наружной тьмы в мир невидимый Твой уведи»): мистическая сторона познания божественного начала играла важную роль в учении Добролюбова. Призыв вступать в «книгу Жизни» показателен своим модернистским восприятием мира как текста, а жизни — как художественного акта. При этом речь идет именно о внутренней книге, дарующей жизнь в единстве с Богом. Таким образом, Добролюбов призывает вступать в жизнь духовную, читая внутреннюю книгу, дарованную Творцом. Один из прозаических отрывков, опубликованный в сборнике «Из книги невидимой», озаглавлен как «Страница из исповеди, из книги жизни моей».

О внутренней книге в рапорте Епархиальному начальству от 1914 года протоирей Алексеев, беседовавший с последователями Добролюбова, рассказывает следующее: «Выше и дороже Писания есть книга, которая находится в сердцах верующих, именуемая — “невидимая”»⁸.

Лев Толстой относился к таким практикам скептически, о чем свидетельствуют его слова из беседы о Добролюбове, записанные А. Гольденвейзером: «Сознание — вот что нужно, сознание своей божественности <...> Потому что суеве-

⁷ Об основных принципах учения Добролюбова и традиции «созерцания» см.: [Азадовский].

⁸ Такое же понимание «книги невидимой» — как выражения искренних чувств лирического субъекта — присутствует и в сборнике Добролюбова «Из книги невидимой». Очевидно, что А. Черткова ошиблась, написав, что главной и, по сути, единственной книгой среди последователей Добролюбова был сборник «Из книги невидимой» [Черткова: 13]. Главной книгой у добролюбовцев считалась невидимая, но бессмертная душа самого верующего.

рие не только в причастии, а и в том, чтобы собраться вместе и молчать или молиться. Нужна не вера, а нужно сознание» [Гольденвейзер]. Добролюбов в одном из обращений под заглавиями «Против Ницше и Толстого», «Задачи мистики (против Толстого)», напротив, утверждал, что свобода разума ниже свободы созерцания. Оппозиция рационального и чувственного подходов в восприятии истинно христианской жизни стала основным противоречием в понимании идеи Бога.

Добролюбов предлагал и саму жизнь, включая быт, организовать по законам веры⁹. Он противопоставлял авторитету Толстого — «искренний путь» свой, равенство слова и дела.

Библейский текст также рассматривался добролюбовцами в качестве символического повествования. В октябре 1914 года в села Семеновка, Ромашкино и на мельницу, где проживал один из последователей Добролюбова — Будаев, был отправлен епархиальный миссионер, протоирей Алексеев. Последний проводил беседы с сектантами и выяснял особенности учения «квакарей». При чтении записи бесед важно учитывать, что «миссионерские исследования сектантов интересуются исключительно изобличением ересей и утеснением сектантов» [Бердяев: 447]. Тем не менее это важный источник для ознакомления с некоторыми деталями вероучения Добролюбова, дающий также представление о том, как само учение понималось его последователями, поскольку разговор был записан в отсутствие руководителя общины¹⁰.

⁹ См. письмо Добролюбова Толстому от 10 сентября 1903 года: «Ты близок к смерти <...> пока на видимой земле <...> разьясни свою ошибку в отдаче имения <...> что ты не вышел из барского дома <...> что ты признаешь ошибкой, когда оставлял телесный труд» [Толстой: LIV, 532].

¹⁰ Фрагменты из беседы протоирея Алексеева (в статье его называют Самарским епархиальным миссионером С. Пряхиным) с крестьянами были также опубликованы в журнале «Миссионерское обозрение» [Смирнов].

Приведем некоторые выдержки из рапорта в Самарское губернское правление от 19 ноября 1914 года, позволяющие более подробно ознакомиться с особенностями понимания вероучения последователями Добролюбова:

Лица, собирающиеся на собрания <...> именуют себя «братцами» и «сестрицами»; они вегетарианцы — не едят мяса и не пьют вина; всех животных считают своими братьями; не признают боговдохновенности Св. Писания; отвергают историческую достоверность чудес; не признают Спасителя Богом; учат о перевоплощении; не признают приснодевства Божьей Матери; не признают священства, отвергают бытие ангелов и злых духов; отвергают таинства церковные, праздники и всю обрядовую сторону богослужения; не верят в будущую загробную жизнь; учат о переселении душ; не признают светское начальство; отвергают присягу, военную службу и войну¹¹ <...>

Все писание заключается в одном слове — любовь <...> О Лице Господа нашего Иисуса Христа Мотин выразился так: «Христос не Бог, а только сын Божий, имеющий невесту — свободу. Он родился естественным образом от Иосифа и Марии¹². Христос был сначала грешником, как и все люди, но потом победил плоть и сделался святым человеком <...> он был в пустыне — это значит, что он был пустой человек, не имеющий добрых дел. Сначала Христос был слабым человеком, боялся мучений и молился отцу: “Отче, да мимо идет чаша сия” <...> Ангел являлся Ему и укреплял Его. Воскрес Христос духом, так как дух бесконечен, а плоть Его, жившая 33 года, осталась на земле и сгнила, так как он был взят от земли и должен был идти в землю <...> Христос исцелял слепых; это значит, что людей не то неверующих, не то верующих приводил к истин-

¹¹ А. Белый писал, что Добролюбов «учил крестьян <...> отказу от денег, имущества, икон, попов, нанимался по деревням в батраки; работал хозяевам за пищу, одежду и кров — то в одной, то в другой деревушке» [Белый: 398].

¹² По словам Брюсова, Добролюбов осенью 1903 года высказывал подобные мысли о небожественной сущности Христа: «О ком ты говоришь? Если о сыне Марии, я о нем ничего не знаю» [Брюсов: 133].

ной вере¹³. Воскрешал из мертвых — значит, погруженных в бездну греха и не знавших истинного Бога выводил из греховной тьмы в чудный свет. И мы, говорит Мотин, были мертвы и находились в бездне греха, когда были православными, но теперь воскресли от мертвых дел. Христос претворил воду в вино, которое пили; это вино и ныне пьют, когда делают добрые дела. И в настоящее время есть христы, которые так же творят чудеса: воскрешают мертвых, исцеляют слепых, хромых, ибо «Иисус Христос и вчера, и сегодня, и навеки Тот же»».

Демьян Музалев называл себя сыном Божиим и говорил, что придет время, когда и он вознесется на небо с горы, которая находится на пути к с. Гришкино <...>

Семеновские крестьяне передавали, что Мотин и Музалев перерубили икону пополам: из одной половины сделали клин, который забили в молотовый камень на мельнице, а другую часть разрубили на части и сожгли в самоваре. Мощи, говорил Музалев, это выдумка попов для обирательства простого народа¹⁴ <...>

Он, Мотин, крестится духом святым, когда творит добрые дела. Христос всю жизнь крестился, Его жизнь была крестоношение. Крещение есть страдание, а вода не спасет <...> каждый должен причащаться добрыми делами; вся жизнь в делах. Чаша есть страдание и больше им никакого причащения не нужно¹⁵ <...> В Писании сказано: «Оставь там дар свой пред жертвенником, и пойдй прежде примиришь с братом своим, и

¹³ Подобная аллегория характерна и для творчества Добролюбова. В «Песне брака» читаем: «Но Он сказал:

“Красота Моя — друзья Мои, жизнь Моя в глазах друзей Моих. Истинно более жизни Своей возлюбил Я их”.

И повязка спала с глаз моих».

¹⁴ Известно, что Добролюбов выступал противником церковных обрядов и идолопоклонничества. Об иконоборчестве Добролюбова см.: [Кобринский 2005].

¹⁵ Сравним с текстом «Из книги невидимой» Добролюбова: «Да, братья, рабство любви есть тайна свободы. Всемирная скорбь есть сердце всемирного торжества. Состраданье, сожаленье есть тайна и корень сорадования. Распятие и воскресенье — все есть едино.

Скорбь о всех уже есть торжество и вечно-новое воскресенье во всех и чудо и исцеленье.

Кто никогда не страдал, тот никогда не будет и радоваться».

тогда приди и принеси дар твой». «Жертвенник» — книга, «дар» — слово: если он плохо сделал, то должен наградить того, кому сделал плохо, как приказывает писание — книга¹⁶.

Когда миссионер предложил Мотину высказать свое учение о браке, то он заявил, что больше говорить не может — «слова нет»¹⁷. Мотина заменил Музалев, который высказал та-

¹⁶ Все слова, высказанные и записанные, становятся в понимании Добролюбова и его последователей даром Богу — словом (даром), принесенным на жертвенник, то есть опубликованным в книге или произнесенным: «Не только вы пьете из чаши истинной крови Моей, но Я принимаю рыбу, которую приносишь ты на твой жертвенник из земли. Не только ты читаешь в писании Моем, но Я открываю книгу твою, вечно читаю ее — всерадостную, вечнорадостную для очей Моих» («Из книги невидимой»). Желание примириться с неприятелями было характерно для Александра Добролюбова после ухода. Следует отметить, что в декабре 1905 года Добролюбов посетил Москву и Петербург, несколькими месяцами позже выхода его сборника «Из книги невидимой», где навещал как своих прежних товарищей, так и недругов. С. Маковский, будучи гимназистом, вместе с друзьями устроил театральную постановку, наполненную символистскими мотивами, в честь Добролюбова, который с благодарностью откликнулся на приглашение присутствовать при показе. Это был розыгрыш с целью высмеять зазнавшегося поэта. Добролюбов, на другой день узнав об этом, сильно обиделся. Уже после своего ухода в народ Добролюбов навестил одного из участников мистификации. О его визите Маковский пишет следующее: «Чтобы сломать лед, я начал с покаяния: “Много воды утекло, Александр Михайлович. Надеюсь — вы нам простили мальчишескую выходку?” В ответ он только заулыбался и махнул рукой, но в комнаты так и не вошел. Я усадил его за кухонный стол и заставил выпить стакан чаю.

О чем мы говорили? Боюсь перепутать. Разговор длился с полчаса. Он говорил о самом важном для себя, о чем уже привык говорить: о народе, о Боге, о душе. Говорил, произнося слова по-народному, чуть нараспев, но без всякой рисовки... Да, Толстой наставил его на подвиг... Упомянув о своем скитальчестве по русским весям со словом утешения, он скромно поправил себя:

— Да нет, не учительствовать пошел я к народу, а понять народ, услышать весть, затаенную в народе... Сам я еще...

Он не договорил. Я понял, что он сам еще себя не нашел окончательно и ждет, когда в нем, из него, неписанная, несказанная, засияет правда жизни...» [Маковский]

¹⁷ О традиционном молчании добролюбовцев упоминается практически во всех историко-литературных исследованиях, посвященных Добролюбову. Приведем цитату из воспоминаний С. Дурылина: «“Слушай, как говорит молчание”. Я не понимал этих слов Ибсена до

кое учение о браке: хотя он и не отвергает брак, но признает его блудом. Ап. Павел говорит, что он желал бы, чтобы все были как он, т. е. неженатыми. А если в Писании и сказано, что жена спасется чадородием, то это понимать нужно духовно. Согрешил Адам — это значит, стал рождать детей. Священство должно быть духовно. Все — священники и цари; кто просвещает свою душу, тот и священник. Ангелы, по мнению Музалева, это — мысли на добрые дела, а дьяволы — мысли на худые дела. Относительно существования загробной жизни, Страшного суда, ада и рая Музалев высказал такое суждение: «Никакого Страшного суда не жди, здесь на земле ищи ад и рай»¹⁸ <...> По смерти человека душа его переходит в другие живые существа, не исключая животных. Рассказывали, что когда у Филиппа Манакова умер отец, то православные спросили Манакова: «Ну, а если в то время, когда умер твой отец, родилась собака?» — «Тогда душа моего отца должна идти в собаку», — ответил Манаков. Жена Манакова передавала своим односельчанам, что у них на собраниях учат, чтобы женщины любили всех мужчин, и что ее муж Филипп пытался изнасиловать свою 13-летнюю дочь. В оправдание своего дикого и гнусного намерения он привел место из Св. Писания: «Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов. Разумей, что я говорю». Эти гнусные домогательства мужа <...> заставили Агриппину оставить секту и перейти в православие¹⁹ <...>

тех пор, пока раз в жизни не услышал, как говорит молчание Александра Добролюбова. Оно говорило о таком прекрасном бытии, языком таким прекрасным и высоким, что было стыдно и сладко его слушать» [Дурылин: 735].

¹⁸ Сравним с отрывками из псалмов добролюбовцев, записанных Ярковым: «На земле достижение, / рай и ад на земле»; «Если здесь не отыщешь / нигде не найдешь» [Ярков. *Моя жизнь...* 20].

¹⁹ По свидетельству Яркова, бывавшего на собраниях добролюбовцев, женщины и мужчины в общине имели равные права: «Сестры выступали так же свободно, как и сами братки. Какого-либо ущемления женских прав в жизни братской общины я вообще не встречал. Как правило, сестры вели себя как в быту, в хозяйстве, так и на собраниях очень независимо и свободно» [Ярков. *Какими...* Л. 335—336].

Свои мысли об отношении к «женскому вопросу» Добролюбов сформулировал в статье «К свободной женщине будущего сначала, затем и к свободному мужчине», присланной Надежде Брюсовой во второй половине 1930-х годов. В статье Александр Добролюбов утвер-

Не нужно им, по мнению Музалева, никакого начальства, потому что они, по Писанию, «все цари и священники». Все должны жить воедино, как братья. В Писании сказано: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, мироправителей тьмы века сего» <...>

На своих собраниях они читают Евангелие и толкуют его в сектантском духе, поют стихи <...> Сектанты сами себя любят называть «братьями», а иногда называют «квакерами». Жена Демьяна Музалева при народе говорила, что ее муж «квакер». Секта квакеров впервые в Самарской епархии появилась в 1903 году в с. Богдановке Николаевского уезда, на границе с Бузулукским уездом. Пропагатором этого лжеучения был некто «брат Александр» /Добролюбов/ — толстовец. Молоканин Дмитрий Будаев, проживающий на мельнице близ с. Ромашкина, где происходили сектантские собрания, — крестьянин села Богдановки [*О появлении... Л. 1—7*].

Протоирей Алексеев на основании бесед с верующими приходит к выводу, что учение Добролюбова представля-

ждал необходимость независимой личности женщины в противовес посягательству мужчины на ее свободу. В частности, он писал: «Большинство женщин по требованию мужчин, несмотря на их передовые взгляды, живут в допетровских теремах <...> Высшая драгоценность природы — несомненно личность, высшее же из благ общества есть общение, только в обществе получается неожиданное (по подобию действия электричества) сверканье и преобразование <...> Противоречие может быть и должно быть разрешено — но никогда законом, закон здесь бессилён — только поднятием человечества на высшую ступень. Путь к нему (но пока только путь) — полная свобода и замужней женщине (включая обязательно и право иметь связь какую бы то ни было с кем бы то ни было без намека на контроль!)...» [*К свободной...»: л. 64—66*].

О плотской любви в общине добролюбовцев см.: [Эткнд: 262]. Отношением Добролюбова к вопросам пола интересовался и Лев Толстой. У близкого друга Добролюбова Л. Семенова, проживавшего непродолжительное время вместе с общиной Добролюбова в деревнях Росташа и Богдановке, Толстой, по воспоминаниям Маковицкого, интересовался, «девственник ли он» [Маковицкий: III, 60]. Религиозные воззрения Добролюбова допускали развод, в то время как Толстой отрицал такую возможность для верующего человека [Маковицкий: II, 181].

ет собой одну из «разновидностей хлыстовщины с добавлением большой доли толстовства» [*О появлении...* Л. 2]. Вера в живых христов отсылает прежде всего к учению хлыстовства, традиция молчания и устремленность к поиску веры внутри себя — основа квакерского учения, веру в реинкарнацию разделяли как некоторые древнегреческие философы, так и буддисты, индуисты, даосисты, последователи каббалы и многие другие. Поскольку религиозные воззрения Добролюбова являли собой синтез различных вероучений, что отразилось в книге «Мои вечные спутники»²⁰, составленной из цитат духовных текстов различных верований [Кобринский 2005: 449], то говорить о каком-то первоисточнике его учения было бы некорректно. Тем более некорректно классифицировать учение Добролюбова как разновидность толстовства. Объединение различных религиозных направлений было неизбежно при провозглашенном Добролюбовым желании создать «всемирное братство».

Наиболее достоверное описание представлений людей из «общества образованных» о последователях Добролюбова дает в воспоминаниях Зинаида Гиппиус: «Что это была за секта — никто путем не знал. Говорили только, что там “все сидят поникши”²¹. И что “учеников” у Добролюбова было очень много» [З. Гиппиус: 20]. В этом отношении интерес представляют воспоминания человека, принимавшего участие в непосредственной жизни общины, — И. Яркова:

...интереснее, свободомысленнее <...> чем <...> «добролюбовцы», еще не встречал. Добролюбовцы как бы вобрали в себя все лучшее в сектантстве, весь его аромат.

Добролюбовцы, или, как сами они предпочитали себя называть, «братья» или «братки», удивили меня необычайной

²⁰ В сборнике при этом отсутствуют цитаты из сочинений Л. Толстого [Добролюбов. *Мои вечные...*].

²¹ Друг Добролюбова Владимир Гиппиус также упоминает «об очень мрачном характере его новой “веры”» [В. Гиппиус: 172].

в сектантах широтой и свободой в понимании и трактовке многих вопросов веры; широтой социальных стремлений: по-давай им, так же, как духоборам, ни много ни мало, а — «всемирное братство» <...>

Всех людей — и добрых, и злых — добролюбивцы одинаково называли братьями <...> Легендарного евангельского Иисуса <...> они запросто и, так сказать, дружески называли — «брат Иисус». Различий между сектами, между религиозными взглядами никаких не клали. Для них все «ищущие» и «стремящие» были равно близки и дороги как «искатели света» <...>

«Все народы, все секты, айдате в наш храм!

храм любви всемирной есть единственный храм...» [Ярков. *Моя жизнь...* 234].

В 1903—1915 годах Добролюбов жил в Самарской губернии, периодически отправляясь странствовать. Его непостоянство и неожиданные перемены места жительства нашли отражение в воспоминаниях современников. Д. Маковицкий приводит в дневнике запись разговора от 20 мая 1906 года с А. Офицеровым, сторонником Добролюбова в вопросах веры: «На вопрос, где живет Добролюбов <...> отвечал: “Везде, а плотью в деревне Самарской губернии”» (цит. по: [Толстой: LV, 547]).

По свидетельству Яркова, в 1915 году Добролюбов покидает братьев и отправляется в Сибирь. Насколько достоверно это свидетельство, в настоящее время невозможно установить, известно лишь, что в 1919 году Добролюбов просил Надежду Брюсову писать ему в Самару, а позже сообщал, что «от ясно наступавшего в Поволжье голода пришлось бежать в начале 20-го»²². Вероятно, временная смена места жительства не воспринималась им как уход из общины.

Несмотря на то, что малообразованные крестьяне, очевидно, не могли критически воспринять все идеи «брата Александра», Добролюбов не забывал о них и после своего ухода, продолжая поддерживать связь со своими последо-

²² Цит. по: [Кобринский 2004: 232].

вателями. Помимо писем Добролюбов присылает им художественные тексты. По словам Яркова, крестьяне не могли понять смысла написанного и просили разъяснить им суть послания [Ярков. *Какими...* Л. 597—602]. К таким произведениям можно отнести три части «Манифеста людей телесного труда» [Добролюбов. *Манифест...*], отправленные Ивану Будаеву в 1926 году, и недатированный отрывок из письма брата Александра «У подножия ног революции». Приведем второй текст полностью:

Революция — это то, что идет, то, что будет, основа. Два этапа нового мира... Все наши революции — это только предзнаменование, все остановки и века застоя — только необходимые ненадолго сборы старой чешуи. Кто заранее (от первых купин своего сознания на земле) не увидел твоего склоненного от дум лица над тысячами мыслей, учений и книг земли, кто не слышал твоей твердой, хотя часто одинокой поступи среди ежедневных подлинных дней, какие одели навсегда твою красоту, как несказанную из несказанных благороднейших, — тот не знает еще рождения твоего, революция²³ (цит. по: [Ярков. *Какими...* Л. 573]).

Тема революционных восстаний, народного бунта — как начала внутреннего освобождения народа и перехода к стиранию границ между народом и интеллигенцией — неоднократно становилась предметом рассуждений в художественных произведениях Добролюбова. Исследованию природы

²³ В письме Надежде Брюсовой 1936 года Добролюбов пишет: «...еще сообщаю тебе, сестра Надя посланные мной тебе рукописи “собрание русских революционеров и “рабочие мысли” сейчас у меня отчасти переработаны, напечатать их я считал бы очень полезным (не для себя а для других, я в этом убежден) <...> еще хотел тебе прислать из сборника “у подножия ног революции” но это ужасно задержит письма <...> добавляю, конечно для меня всегда революция главным образом духовный переворот, кровопролитие не есть ее обязательный признак, даже наоборот совершенно временный. пусть даже несколько тысячелетий этот признак сопровождал революцию, это только доказывает еще дикость среды, революция сама по себе даже исключает кровопролития. и такой она будет» [Добролюбов. *Письма...* Л. 38—40].

революции и человека, участвующего в ней, посвящены пьесы «Собрание древних революционеров» и «Пир в университетском городке Мадрида», написанные в 1930-е годы.

Александр Добролюбов подробно рассказал о главных идеях своих произведений Надежде Брюсовой в письме от 5 мая 1937 года:

...главная мысль сборника «рабочие мысли — рабочее общество вдохнет новые мысли и в науку и в искусство и во все движенье жизни. что, это отсталая (контрреволюционная) мысль? я думаю — никогда <...> что я понимал это слияние рабочих и науки в более всепоглощающем смысле чем совершилось сейчас это не значит что я отвергаю то сближение между ручным и умственным трудом какое есть сейчас, наоборот оно есть ступень к предвиденному мной, умственный труд интеллигенции силен не сам собой — он может действительно расти только на рабочем классе, на союзе с ним, пока грани вовсе не стерлись, несомненно сотрутся совсем <...> в чем главная мысль собрания древних русских революционеров? что и вся древняя русь была полна возстаний и революций а не была тупо-покорной страной. что, эта мысль враждебна народу? она открывает народу его основную древнюю мысль <...> какая основная мысль пира в университетском городке? восторг всего народа против фашизма и объединенье всех в фронте народа (правда, конец пира я тебе не послал)²⁴ [Добролюбов. *Письма...* Л. 47—49].

В первые годы после революции последователи Добролюбова почувствовали себя свободнее. Массовое освобождение из тюрем верующих, отбывавших срок за отказ от воинской службы, и перспективы получить в свободное

²⁴ Подробным пояснением главных мыслей своих произведений Добролюбов отвечает на упреки Надежды Брюсовой в неприятии им социалистического строительства. Очевидно, в 1936—1937 годах мысли о свободе личности и революционных настроениях, содержащиеся в рукописях, было опасно одобрять, тем более поддерживать одобрение письменным свидетельством. Такая позиция Надежды Брюсовой вступала в противоречие с мироощущением Добролюбова, для которого оппозиция «свобода — несвобода» была одной из самых важ-

пользование землю для хозяйства воодушевили членов общины. В 1919 году добролюбовцы создают артель «Всемирное братство»²⁵. Привыкшие к тяжелому ручному труду крестьяне занимались сельским хозяйством, производством и продажей муки, отчего довольно быстро стали богатеть. По свидетельству Яркова, в этот период многие добролюбовцы в отсутствие наставника стали предаваться грехам прелюбодеяния и стяжательства, а сестры вслед за хлыстами включили в песнопение пляску. За существовавшее материальное неравенство среди членов артели Добролюбов критиковал братьев в письмах, требуя уничтожить «дух кулачества» [Ярков. *Какими...* Л. 352–357].

Добролюбов приезжает в Самарскую область лишь однажды, в начале 1920-х годов, в остальное же время находится преимущественно в Сибири и Таджикистане. Исходя из его письма к Надежде Брюсовой²⁶ можно предположить, что в поселке Всемирное братство он прожил с 1923-го по 1925 год. Кроме того, известно намерение Добролюбова посетить братьев в середине 1920-х годов и в 1930 году, после освобождения из тюремного заключения²⁷, но, по всей вероятности, обе поездки не состоялись.

В 1928–1930 годах большая часть жителей поселка подверглась раскулачиванию. Главной претензией представителей власти стало использование наемных сезонных работников, что в 1920-е годы стало признаком эксплуата-

ных. Отправленный Н. Брюсовой отрывок из «Пира в университетском городке Мадрида» показывает, помимо гражданского народного ополчения против фашистских войск, превосходство женской сущности над мужской. В финале отрывка участники пира поднимают тосты «за ту, которая даже тогда, когда была рабой была царицей мира и сумела ею быть», «за гражданку будущего всемирного народа!» [Добролюбов. «Пир...»: л. 17].

²⁵ Об освобождении от военной повинности Савелия Сергеевича Шнякина и Ивана Сергеевича Будаева по религиозным убеждениям см.: [ЦГАСО. Ф. 222... Л. 2].

²⁶ Из письма к Н. Брюсовой 1935 года: «С 1921-го по 27 — 2 года омский поселок Славгород, 2 года Самарский округ, Бухара, Дюшанбе — 3 года» (цит. по: [Кобринский 2004: 232]).

²⁷ Из письма к Ирине Святловской, датированного 1926 или 1927 годом: «Все-таки к Рождеству надеюсь вырваться в Самарскую гу-

ции труда²⁸. Многие члены братства после раскулачивания были сосланы на Север. По словам Яркова, из ссылки по прошествии срока заключения живыми вернулись лишь некоторые верующие [Ярков. *Какими...* Л. 359]. Оставшиеся братья переселились в поселок Братки, находившийся в составе колхоза им. Жданова. В настоящее время некоторые потомки добролюбовцев проживают в деревне Богдановка Самарской области.

Ниже мы приведем письма Александра Добролюбова к своим последователям, в которых он проявляет свойственную ему властность, но при этом обращается к крестьянам как к по-настоящему близким и важным для него людям, среди которых он на какое-то время обрел свой дом. Яркову удалось сохранить несколько писем Добролюбова 1920-х годов, обращенных к общине. Конверт от

бернию» (цит. по: [Кобринский 2004: 230]). Второе письмо Добролюбова, отправленное сестре, относится к сентябрю 1930 года: «В общем выехать я желаю сам в направлении на Самару» (цит. по: [Кобринский 2004: 231]).

²⁸ В 1927 году братья Шнякины, в землянке которых на краю деревни Росташи Добролюбов впервые остановился, вероятно, в 1902 году [Ярков. *Какими...* Л. 180], желая разделить труд с самыми бедными крестьянами, были лишены избирательного голоса в связи с применением в своем хозяйстве труда наемных рабочих. Выписка из протокола заседания пленума Кравцевского сельского районного комитета от 4 мая 1930 года № 12: «Имел 1/4 часть механической мельницы, 1/4 молотилки и прочий с/хоз. инвентарь и орудия. В 1929 был восстановлен Сельизбиркомом, но в 30 г. снова лишен за те же действия и выслан из пределов края».

Брат Макара Сергеевича Шнякина, Савелий Сергеевич, был лишен избирательных прав «за применение наемного труда, за совладение одной четвертой механической мельницы. Наемный труд применял до 1929 г. постоянный и сезонный» (выписка протокола № 17 от 20.10.1930. Заседания Крайизбиркома Средне-Волжского Крайисполкома [*Шнякины...*]). Иван Лукьянович Белоусов был лишен избирательного голоса «за эксплуатацию наемного труда, закабаление населения сложными машинами и ростовничество» [*Белоусов...*]. Алексей Кузьмич Усков в 1930 году был раскулачен, а его хозяйство — экспроприровано [*Усков...*]. Филипп Иванович Манаков в 1930 году в возрасте 55 лет был осужден по обвинению в наличии кулацкого хозяйства, арендованной земли, использовании наемного труда с целью извлечения прибыли и сокрытии хлеба. Дети, жена и брат были лишены избирательных прав [*Дело...*].

первого письма утрачен, дата не указана. Можно предположить, что письмо было написано в 1923 году. Письма приведены в расшифровке Яркова:

Братству в Ростошах и Богдановке.
Всем стремящим к Непознаваемому и к высшим ступеням Света.

От Меня, брата вашего Александра,
привет любви, для которой нет границ и законов.

Извещаю вас, братья, на этом маленьком клочке бумаги по необходимости, извещаем вас о нашем всегдашнем стремлении к вам; если нас разделял целый ряд лет, то на то особые причины свыше воли моей.

Теперь извещаю вас — на днях я дошел до одного селенья в ваших краях, сейчас в Благодары, но пока несвободен видеть кого бы ни было из вас. Если желаете устроить мой путь к вам и ваш ко мне не на законах внешности, до извещения моего вам пусть никто не собирается посещать меня. Да не будет вам это слово скорбью, да будет оно как одно из предвестий жажды любви.

Я прибыл в ваши края только ради виденья вас. Надеюсь вскоре известить вас о открывшейся внутренней свободе свиданья.

Да хранят вас пути высшей радости!

Привет.

Подпись брат ваш Александр.

Все названное передайте немедленно сестрам и братьям Гальковским, Антоновским, Землянским, всем знающих нас для наружных писем. Для наружных извещений можете быть свободны.

Пока все. Еще раз привет всем [Ярков. *Какими...* Л. 608—611].

Второе письмо адресовано Ивану Будаеву, брату Дмитрия Будаева, жившего на мельнице, где проходили встречи верующих:

Тем, которых имена свет для меня — уста не хотят говорить и называть на именах человеческих —
вновь вижу вас, голос мой к вам
ответьте, что я еще не погиб для вас.

Извещаю вас вкратце по наружности. Я все еще в Душанбе, работаю на постройках, долго не извещал никого, хотя всегда имел вас в себе. Не судите, причины вам неизвестны. Через месяц-два надеюсь выехать в Россию, если Высшая Истина поможет мне, и увидеть вас.

Брат Иван, ради того написано на бумаге — передай личный привет и от нас всем сестрам и братьям, ищущим пути Высшего Братства.

Подпись руки — брат вам Александр.

Привет.

Мне пишите: Средняя Азия, Душанбе, почтовая контора, до востребования. Мне.

1-е окт. 1926 г. [Ярков. *Какими...* Л. 589—592]

Мне удалось встретиться с ныне живущими потомками последователей Александра Добролюбова. Семьи Будаевых и Усковых, как и семьи других последователей, проживают в деревне Богдановка Нефтегорского района Самарской области. В настоящее время они причисляют себя к молоканам. Молоканская вера служит для них важнейшим исходным источником самоопределения, воспринимаемым ими как этническая сопричастность к некогда существовавшей вере предков. Большинство молокан приняло православное крещение и одновременно с этим продолжает считать себя молоканами: захоронения проходят на молоканском кладбище, сохраняется враждебное отношение к обрядам и иконам, молоканские песни ценятся выше православных. Сергей Александрович Усков, внук Николая и Татьяны Усковых²⁹, в настоящее время является протоиереем, настоятелем храма во имя преподобного Серафима Саровского города Новокуйбышевска. Приведем его устные воспоминания о Добролюбова:

Единственное, что я помню, — это самиздатовский сборник духовных песен сектантов Алексеевского и Утевского

²⁹ К Усковым обращается Добролюбов из Уджар с письмом от 24 августа 1940 года. См.: [Ярков. *Какими...* Л. 634—637]. Письмо также было опубликовано в статье: [Иванова 1980: 312].

районов. Автор — Добролюбов. Этот сборник был у моего деда Ускова Николая Сергеевича. Это была самодельная книга обычного формата, толщиной 2—3 см, отпечатанная на пишущей машинке. Я был тогда подростком и не придавал этому значения. Запомнил две строчки одной песни: «В холодном осеннем тумане / Навеки заснул Лев Толстой».

Последнее свидетельствует о том, что еще в 1960-е годы песни Добролюбова оставались для верующих каноническими и их авторство было зафиксировано.

Ярков отмечает, что последователи враждебно отнеслись к последнему письму Добролюбова из Азербайджана, в котором он сообщает о том, что личность человека — главная ценность, и отвергает высшее начало в качестве Абсолюта [Ярков. *Какими...* Л. 637].

Толстой остался для представителей братства образом последовательного наставника и литературного авторитета, память о котором также поддерживается образовательными и культурными учреждениями, как и православие становится единственным возможным для них вариантом вероисповедания в отсутствии идеологически цельной молоканской общины. Но если сегодня задаться вопросом «Что же поют русские сектанты³⁰?», то по прошествии века можно ответить — поют песни, сочиненные Добролюбовым, приняв их за свои, забыв об авторстве. Тогда первоначальную цель, с которой поэт уходил к народу — «вернуть народу его песни» [Брюсов: 44], — можно считать достигнутой.

В заключение приведем текст когда-то одной из самых популярных среди последователей Александра Добролюбова песен. Возможно, он еще в самом начале пути усомнился в возможности существования «Всемирного братства», но не оставил попыток понять роль личности в истории:

³⁰ Слово «сектанты» употреблено как аллюзия на название сборника А. Чертовой «О чем поют русские сектанты?» и не содержит негативной коннотации. Под русскими сектантами в данном исследовании я подразумеваю молокан деревень Богдановка и Трофимовка Нефтегорского района Самарской области.

Братья, о братья, взгляните:
Надвинулись тучи ночные,
Ровно река, окружила нас
Злая слепая стихия.

Как разрубить все узлы,
Все законы ветхого мира?
Как вас украсить всех
Царской блестящей порфирой?

Думушку вздумал я, братцы,
О братьях нам родных:
Как отделить нам народ
Благородный, свободный?

Братья, взгляните:
Надвинулись тени ночные,
Ровно река, окружили нас
Толпы чужие.

Сердцем далеки,
Связаны вместе цепями:
Цепи те злые народы
Ковали веками.

Как разрубить все узлы
И законы ветхого мира?
Как вас украсить всех
Царской блестящей порфирой?

Выведу, выведу вас
Из всех стран и народов!
Ставьте над домом
Единое знамя — знамя свободы.

Руки рабов эти цепи
В бессилье ковали.
Руки свободных
Свободно их расковали³¹.

³¹ Цит. по: [Ярков. *Какими...* Л. 298–299]. Текст песни Александра Добролюбова также приводится в записях П. Картушина [*Записная...* Л. 16 об. — 17].

Литература

Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 459. Творчество А. А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сб. III. Тарту, 1979. С. 121–146.

Белоусов Иван Лукьянович // ЦГАСО. Ф. 56. Оп. 43. Д. 158. Л. 4.

Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3 кн. Кн. 2 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990.

Бердяев Н. А. Духовное христианство и сектантство в России // *Бердяев Н. А.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 441–462.

Брюсов В. Я. Дневники 1891–1910 / Подгот. к печати И. М. Брюсова; примеч. Н. С. Ашукина. <М.>: М. и С. Сабашниковы, 1927. (Записи прошлого. Воспоминания и письма / Под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского).

Гиттис В. Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 163–172.

Гиттис З. Об Александре Добролюбова // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 19–20.

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого: Воспоминания (Записки за пятнадцать лет). М.: Захаров, 2002. URL: http://royallib.com/book/goldenveyzer_aleksandr/vblizi_tolstogo_zapiski_za_pyatnadsat_let.html.

Дело о лишении избирательных прав – Манаков Филип Иванович (Манакова Арина – жена, Манакова Марфа Филиповна – дочь, Манаков Александр Филипович – сын, Манаков Гаврил Филипович – сын) // ЦГАСО. Ф. Р1555. Оп. 3. Д. 213.

Добролюбов А. М. Из книги невидимой // ОР РГБ. Ф. 386. К. Книги. Ед. хр. 857.

Добролюбов А. М. «К свободной женщине будущего сначала, затем и к свободному мужчине» // ОР РГБ. Ф. 386. К. 148. Ед. хр. 41. Л. 64–66.

Добролюбов А. М. Манифест представителей ручного труда // ОР РГБ. Ф. 386. К. 140. Ед. хр. 13.

Добролюбов А. М. Мои вечные спутники. Собрание чистых слов, избранные слова из всех народов, из священных писаний и из книг искателей познания // ОР РГБ. Ф. 386. К. 128. Ед. хр. 21.

Добролюбов А. М. «Пир в университетском городке Мадрида» — пьеса // ОР РГБ. Ф. 386. К. 140. Ед. хр. 11.

Добролюбов А. М. <Письма к Брюсовой Н. Я. /1910-е гг./ — 1938> // ОР РГБ. Ф. 386. К. 148. Ед. хр. 41.

Добролюбов А. М. «Сестрам Иоанне и Надежде Брюсовым» // РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 24 об.

Добролюбов А. Из книги невидимой. М.: Тип. О-ва распр. полез. кн., 1905.

Дурылин С. Н. Александр Добролюбов // *Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900—1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 685—735.

Дымов О. Александр Михайлович Добролюбов // Воспоминания о серебряном веке. С. 21—23.

Записная книжка С. Н. Дурылина. Записи П. П. Картушина стихотворений и высказываний А. М. Добролюбова // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 288.

Иванова Е. Один из «темных» визитеров // Прометей. Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 303—313.

Иванова Е. В. Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 6 (27). С. 191—236.

Кобринский А. А. Разговор через мертвое пространство. Александр Добролюбов в конце 1930-х — начале 1940-х годов // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 198—217.

Кобринский А. А. «Жил на свете рыцарь бедный...» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2005. С. 429—474.

Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. В 4 кн. М.: Наука, 1979. (Литературное наследство. Т. 90).

Маковский С. К. Александр Добролюбов // *Маковский С. К.* Портреты современников. М.: Издательский дом «XXI век — Согласие», 2000. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_a_m/text_0140.shtml.

Миц З. Г. Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский и его «Записки» // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 414, 1977. С. 102—146.

О появлении в селе Семеновки последователей секты «Квакарей» // ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5564.

Семенов Л. Стихотворения. Проза / Сост. В. С. Баевский. М.: Наука, 2008.

Смирнов В. Сектантство // Миссионерское обозрение. 1915. № 9. С. 126—137.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. М.; Л.: Художественная литература, 1928—1958.

Тушев А. Н. Л. Н. Толстой и А. М. Добролюбов как критики цивилизации и искусства // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/l-n-tolstoy-i-a-m-dobrolyubov-kak-kritiki-tsvivilizatsii-i-iskusstva>.

Усков Алексей Кузьмич // ЦГАСО. Ф. Р56. Оп. 43. Д. 2679.

ЦГАСО. Ф. 222. Оп. 4. Д. 23.

Черткова А. Что поют русские сектанты. Вып. 3. Духовные стихи и распевы разных сект. М.: Тип. П. Юргенсона, 1912.

Шнякины Макар Сергеевич, Савелий Сергеевич // ЦГАСО. Ф. Р-854. Оп. 5. Д. 28.

Эткинд А. Хлысты: Секты, литература и революция. Изд. 2-е, сокр. М.: НЛО, 2013.

Ярков И. П. Какими я их знаю. Рассказы о «брате Александре» Добролюбове, его друзьях и последователях // ОР РГБ. Ф. 218. К. 1394. Ед. хр. 2.

Ярков И. П. Моя жизнь. Автобиография // Отдел рукописей Самарского литературного музея им. М. Горького.

References

Azadovsky K. M. Aleksandr Dobrolyubov's Path // Scholarly notes of Tartu State University. Issue 459. A. A. Blok's Work and Russian Culture of the 20th Century: Blok's collected papers. 3. Tartu, 1979. P. 121—146. (In Russ.)

Belousov Ivan Lukianovich // Central State Archive of Samara Region. F. 56. Inv. 43. File 158. Sheet 4. (In Russ.)

Bely A. The Beginning of the Century. Memoirs. In 3 books. Book 2 / Ed. V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina et al.; text prep. and comments by A. Lavrov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. (In Russ.)

Berdyaev N. A. Spiritual Christianity and Sectarianism in Russia // *Berdyaev N. A.* Collected works in 4 vols. Vol. 3. Types of Religious Thought in Russia. Paris: YMCA-Press, 1989. P. 441—462. (In Russ.)

Bryusov V. Y. The Diaries of 1891—1910 / Text prep. by I. M. Bryusova; comments by N. S. Ashukin <Moscow>: M. and S. Sabash-

nikov, 1927. (Records of the Past. Memoirs and Letters / Ed. S. V. Bakhrushin and M. A. Tsyavlovsky). (In Russ.)

Central State Archive of Samara Region. F. 222. Inv. 4. File 23. (In Russ.)

Chertkova A. What Russian Sectarians Sing. Issue 3. Spiritual Poems and Songs of Russian Sects. Moscow: Tip. P. Yurgensona, 1912. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. *A Feast at the Madrid Campus* — a Play // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386. Book 140. Item 11. Sheet 17. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. 'First, to a free woman of the future, then to a free man' // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386. Book 148. Item 41. Sheet 64–66. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. From the Invisible Book // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386. Book *Knigi*. Item 857. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. <Letters to Bryusova N. Y. /1910-s./ – 1938> // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386. Book 148. Item 41. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. Manifesto of Manual Workers' Representatives // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386. Book 140. Item 13. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. My Eternal Companions. The Collection of Pure Words, Selected Words from All Nations, the Scriptures and the Books of Knowledge Seekers // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386. Book 128. Item 21. (In Russ.)

Dobrolyubov A. M. 'To sisters Ioanna and Nadezhda Bryusov' // Russian State Archive of Literature and Art. F. 2009. Inv. 2. Item 11. Sheet 24. Reverse side. (In Russ.)

Dobrolyubov A. From the Invisible Book. Moscow: Tip. O-va raspr. polez. kn., 1905. (In Russ.)

Durylin S. N. Aleksandr Dobrolyubov // *Durylin S. N.* Articles and Papers, 1900–1920s / Comp., foreword and comments by A. I. Reznichenko, T. N. Rezvykh. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. P. 685–735. (In Russ.)

Dymov O. Aleksandr Mikhaylovich Dobrolyubov // Memoirs about the Silver Age / Comp., foreword and comments by V. Kreid. Moscow: Respublika, 1993. P. 21–23. (In Russ.)

Electoral Rights Deprivation Case — Manakov Philip Ivanovich (Manakova Arina — Wife, Manakova Marfa Filipovna — Daughter,

Manakov Aleksandr Filipovich — Son, Manakov Gavril Filipovich — Son) // Central State Archive of Samara Region. F. R-1555. Inv. 3. File 213. (In Russ.)

Etkind A. Khlysts: Sects, Literature and Revolution. 2nd edition, abridged. Moscow: NLO, 2013. (In Russ.)

Gippius V. Aleksandr Dobrolyubov // Russian Literature of the 20th Century. 1890—1910 / Ed. S. A. Vengerov. Moscow: Respublika, 2004. P. 163—172. (In Russ.)

Gippius Z. On Aleksandr Dobrolyubov // Memoirs about the Silver Age. Moscow: Respublika, 1993. P. 19—20. (In Russ.)

Goldenveiser A. B. Near Tolsoy: Memoirs (Fifteen Years' Notes). Moscow: Zakharov, 2002. URL: http://royallib.com/book/goldenveyzer_aleksandr/vblizi_tolstogo_zapiski_za_pyatnadsat_let.html. (In Russ.)

Ivanova E. One of the *Dark* Visitors // Prometey. Vol. 12. Moscow: Molodaya gvardiya, 1980. P. 303—313. (In Russ.)

Ivanova E. V. Aleksandr Dobrolyubov as a Mystery of His Time // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. Issue 6 (27). P. 191—236. (In Russ.)

Kobrin'sky A. A. Talking in the Dead Space. Aleksandr Dobrolyubov in the Late 1930s — Early 1940s // Voprosy literatury. 2004. Issue 4. P. 198—217. (In Russ.)

Kobrin'sky A. A. 'There lived a poor knight' (Aleksandr Dobrolyubov: Word and Silence) // Early Symbolists: N. Minsky, A. Dobrolyubov. Verse and Poems. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2005. P. 429—474. (In Russ.)

Makovitsky D. P. At Tolstoy's, 1904—1910. *Yasnaya Polyana* Notes by D. P. Makovitsky. In 4 books. Moscow: Nauka, 1979. (Literary Heritage. Vol. 90). (In Russ.)

Makovsky S. K. Aleksandr Dobrolyubov // *Makovsky S. K.* The Portraits of Contemporaries. Moscow: Publishing house XXI vek — Soglasie, 2000. URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_a_m/text_0140.shtml. (In Russ.)

Mints Z. G. L. D. Semenov-Tyan-Shansky and His *Notes* // Scholarly notes of Tartu State University. Issue 414. 1977. P. 102—146. (In Russ.)

On the Appearance of Followers of the Sect *Kvakari* in the Village of Semenovka // Central State Archive of Samara Region. F. 1. Inv. 1. File 5564. (In Russ.)

S. N. Durylin's Notebook. P. P. Kartushin's Records of Poems and Statements by A. M. Dobrolyubov // Russian State Archive of Literature and Art. F. 2980. Inv. 1. Item 288. (In Russ.)

Semenov L. Poetry. Prose / Compiled by V. S. Baevsky. Moscow: Nauka, 2008. (In Russ.)

Shnyakin Makar Sergeevich and Savely Sergeevich // Central State Archive of Samara Region. F. R-854. Inv. 5. File 28. (In Russ.)

Smirnov Vs. Sectarianism // *Missionerskoe obozrenie*. 1915. Issue 9. P. 126–137. (In Russ.)

Tolstoy L. N. Complete works in 90 vols. Moscow; St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura, 1928–1958. (In Russ.)

Tushev A. N. L. N. Tolstoy and A. M. Dobrolyubov as Critics of Civilization and Art // Scholarly notes of Kazansky University. *The Humanities Series*. 2016. Issue 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/l-n-tolstoy-i-a-m-dobrolyubov-kak-kritiki-tsivilizatsii-i-iskusstva>. (In Russ.)

Uskov Aleksey Kuz'mich // Central State Archive of Samara Region. F. R-56. Inv. 43. File 2679. (In Russ.)

Yarkov I. P. My Life. Autobiography // Department of Manuscripts of M. Gorky Samara Literary Museum. (In Russ.)

Yarkov I. P. That's How I Know Them. Stories about *Brother Aleksandr Dobrolyubov*, His Friends and Follower // Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 218. Book 1394. Item 2. (In Russ.)